

Светлана Замлелова

Муся

Светлана Замлелова
Муся

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=168825

Компания Спутник+;

Содержание

* * *

Конец ознакомительного фрагмента.

4

19

Светлана Замлелова

Муся

* * *

Я подробно обо всём расскажу. Даже с теми подробностями, которые, может показаться, и внимания не стоят. Но, по моему, все эти подробности суть характерные детали и могут света пролить. А если опустить их в угоду красоте изложения, многое просто из виду исчезнет, недоступным пониманию окажется. Так что я уж всё подряд изложу, так, как сам помню. Тем более что и для меня самого кое-что неясным осталось. И понадеюсь, что рассказ этот поможет мне разобраться во всём.

Что же касается повествования, я, конечно, понимаю, что от совершенства оно далеко. Но, как сказал один человек, а сказал он гениальную вещь, я ведь не Лев Толстой. Ха-ха! Вы, конечно, спросите, что же тут гениального. Да ничего, баловство одно. Только теперь ведь модным стало банальности свои ссылкой на известное лицо предварять: он-де гениальнейшую мысль обронил. Как будто от всех этих ссылок ума прибудет, или банальность вдруг менее банальной делается. Так что это я модничаю.

Тот человек тщетно пытался какое-то своё соображение

словами выразить, но под конец только руками развёл: «Я ведь не Лев Толстой...» Мне этот ход его очень понравился. Он тем самым с себя всякий стыд за своё косноязычие сложил и совершенно оправдал себя. Впрочем, он и не думал оправдываться, а хотел только, чтобы от него многого не требовали.

Я потому эти слова его сейчас вспомнил, что и сам благоклонности ищущий и прошу строго меня не судить. Я-то ведь тоже не Лев Толстой...

Познакомился я с ней на вечеринке у одних, как оказалось, наших общих знакомых. Она последней пришла, когда все уже вокруг стола расселись и закусывали. Как вошла она, все разом замолчали и к ней повернулись, рассматривать принялись. А она румяная с морозу, свежая, глаза блестят. В дверях остановилась, заулыбалась всем и, смутившись, покраснела пуще. Потом пролепетала что-то и присесть заспешила. Помню, принесла она с собой запах мороза и духов горьковатых. Ещё помню, платье на ней такое было... Дурное платье. Я его тогда про себя «буржуйским» назвал: юбка до пят, воланы какие-то... Прошлый век, да и только! В общем, мне она поначалу не очень понравилась.

Я тогда полгода, как в Москве жил, учился на режиссёрском. И мне всё мечталось, что здесь, в Москве, новая моя жизнь начаться должна. Я ведь в своём городе много дурного оставил и в Москву приехал очень несчастным. Но у

меня мечта была. Я мечтал жизнь свою обустроить, сделать её до того удобной и приятной, чтобы каждый день мой радостным был. При этом я блеску хотел. Не мещанской серой обыденности с блинами да пирогами, и не холи банкирской, а вот именно блеску, красок. Я хотел в искусство войти, и чтобы меня там за своего приняли. Мне мечталось собственный фильм снять. Такой, чтобы весь мир, гляючи, плакал. Я хотел, чтобы фильм мой всё в себя вмещал: любовь, страдания, счастливый конец. Потому что именно такую картину публика примет, именно такой сюжет сейчас людям нужен.

И я поступил на режиссёрский. Если б вы знали, чего мне это стоило! Но я всё выдюжил и поступил. Разве не вправе был я после этого уважать себя и от других уважения требовать? Но не подумайте, что я такой уж Наполеон был и всё только о великом мечтал. Мне и простых вещей хотелось. И я думал, что поступлю учиться, работу найду подходящую, чтобы опыту набираться, с девушкой познакомлюсь. Потом квартиру с ней снимем, жить вместе будем. И всё всегда вместе. Но ведь всё со строгостью и сообразностью! О беспутстве я и не помышлял. Я именно верным быть хотел. Это уж мой принцип. Я знал, что в том мире, куда я стремлюсь, свои законы. Но я с самого начала положил, что пить много не буду и насчёт женщин буду воздержан. Выберу себе лучшую, и достаточно с меня будет.

Верность – вот, что важно. Сейчас это даже не модно. Но я хотел, чтобы *она* мою верность видела и понимала, кто я

таков. Ведь за одно только это меня уважать можно было, за одно только это я благодарности был вправе потребовать. Теперь-то я понимаю, что не прав был тогда. Что нельзя от людей благодарности ждать – в дураках останешься. Сколько у меня было шансов с женщинами! Но я ни единым не воспользовался, потому что от неё одной благодарности ждал. И что же?.. Но после об этом. А теперь я так вам скажу: для себя только жить надо, одной минутой. Если видите в чём-то своё удовольствие, хватайте его, не упускайте, чтобы не жалеть потом. А главное, не ждите, что за ваши добрые дела кто-нибудь спасибо вам скажет. О людях только тогда вспоминать нужно, когда они выгоду сулят. Любите себя и добивайтесь того, чтобы все вас любили и вам служили. Но не любовью ответной добивайтесь – слишком высокая цена, – но хитростью и особым умением. И кто это умение приобретёт, хитрости научится – только тот счастливым и станет. Но это я отвлёкся. Тогда мне совсем о другом мечталось. Вот мы вместе с ней выходим из дома утром, а вечером вместе возвращаемся. Потом ужин вместе готовим. После ужина – уборка, концерт по телевизору, ну и всё прочее. Как выходной – мы в клуб с ней. Я и сам весёлый и подругу свою весёлой воображал. До утра веселимся, а там и домой, отсыпаться. Я даже и то себе представлял, как мы поутру с ней домой возвращаемся. У неё чёрное пальто и длинные, до талии, волосы на прямой пробор, распущены по спине белой гладью. И лицо, чуть осунувшееся после бессонной ночи, бледное.

Я пальто ей снять помогаю, а потом затажно целую. А она, уставшая, слабо так сопротивляется: не до того, мол, мне...

И так-таки в подробностях я и рисовал себе свою жизнь. Я прежде с женщиной не жил никогда. В хозяйственном смысле, конечно. И потому очень уж испытать хотелось. О семье я и не помышлял. А так только, чтобы жить вместе. Мне почему-то ужасно нравилось, когда живут вместе. Не женятся, а так только. Всё думал, что подойду к ней и эдак торжественно, на манер предложения руки и сердца объявлю: «Хочу жить с тобой...» А она, конечно, удивится или что-нибудь в этом роде, и согласиет мне ответит. Мне тогда казалось, что этого для счастья довольно. Я даже думал, что у каждого человека своя формула счастья, свой набор необходимых благ. Мой набор был невелик. И я, помню, собой гордился, когда думал, что мне много не надо. Но было и у меня одно неременное условие: чтобы подруга моя была красавицей. Потому как я и сам недурён и знаю, что женщинам нравлюсь. Я высок, худощав, правда, несколько. Зато у меня смуглая кожа, тёмные волосы немного выются и очень красиво блестят. Ещё нос у меня... хороший такой нос, тонкий, прямой. По правде сказать, я несколько даже влюблён в свой нос, я горжусь им. Иногда я люблюсь на свой профиль в зеркале. Я встаю боком к большому зеркалу и навожу на своё отражение в нём маленькое зеркальце. И так, поворачиваясь, я могу прекрасно видеть себя со всех сторон. Мне кажется, что в профиль я похож на Перикла. С та-

кой внешностью я мог бы быть и актёром, тем более, что я и вправду необыкновенно артистичен. К тому же, и я совершенно в этом уверен, я человек приятный и лёгкий в общении. Так неужели несправедливо, что я и женщину подстать себе искал? За полгода, что в Москве-то жил, я успел свести несколько близких знакомств. И даже в связи с одной очень сексуальной блондинкой был. Хотел было и предложение ей сделать о совместном проживании, но тут-то она меня и огорошила. Опередила меня с предложением-то. Такое предложила, что и повторить сейчас совестно. Я, говорит, по-всякому пробовала, только вот этак ещё не пробовала. Хочу, говорит, всё испытать, потому как я женщина свободная. Признаться, был грех, призадумался я. Да удержало что-то. А она говорит: «Я-то думала, что ты мужик. А ты...» И в глаза мне рассмеялась. Понятно, что предложение моё отпало само собой. Я потом вспоминал о ней, жалел даже: уж больно хороша была!

И вот, представьте, на таком-то контрасте: росту среднего, острижена, как после тифа, в дурацком платье. Но, правда, фигурка симпатичная: ноги там, грудь... И мордашка то, что называется хорошенькая: глазки, щёчки, ямочки... Но главное, было же в ней что-то такое, отчего хотелось смотреть на неё. Было какое-то выражение в лице особенное, детское, нежное выражение. И взгляд её был детским и нежным. Она на всех так смотрела, и в ответ ей все улыбались. Улыбнулся и я, взгляд её перехватив. И тут же захотелось мне в иг-

ру с ней сыграть. Никакой цели особенной я не имел, тут в вине, наверное, причина была. В общем, стал я из себя Демона представлять. Голову опустил и гляжу на неё исподлобья. Ещё и левую бровь для убедительности поднял. Глаза прищурил, а взору своему загадочности постарался придать. Впрочем, всё без улыбки. Она сначала как на дурака на меня посмотрела и глаза отвела. Но, видно, роль моя мне удалась. Потому что через минуту она опять ко мне оборотилась, с любопытством на этот раз. Я всё то же. Тогда она игру мою принять решила и сама на меня уставилась. Поглядим, дескать, кто кого пересмотрит. Но мы недолго глазами друг друга буравили. Потому что хозяйева музыку включили, и мне, само собой, пришлось её пригласить. Стали мы танцевать с ней, а точнее, слегка обнявшись, топтаться на месте. Говорить, понятно, не о чем: едва знакомы. Ну, я, благо выпимши, наклонился к ней и поцеловал в самые губы. Думал, оттолкнёт она меня: девица в *таком* платье непременно оттолкнуть должна. Но она, мало не оттолкнула, подалась вся ко мне и на поцелуй мой ответила, точно ждала его. И подалась как-то доверчиво, естественно, то есть, не заламывая рук, не запрокидывая головы и без всех этих несносных телодвижений, страсть имитирующих. Я тогда ещё подумал, что зря сомневался. Иначе-то и быть не могло, ведь видел, что нравлюсь.

И вот тут-то между нами связь и возникла. И связь эта требовала продолжения. Ну, посудите сами, нельзя же, про-

целовавшись с человеком несколько минут, просто повернуться и уйти, точно и не было ничего. Только танец закончился, я сказал ей, что курить хочу. Вышли мы с ней на лестницу. Я закурил и за ручку её взял. Так она и стояла подле меня. А я ручку её мял и про жизнь свою рассказывал. Потом стал шептать всякий вздор про то, какая у неё нежная кожа. А она слушала молча, и только взгляд у неё плавился. Потом я отправился её провожать. И там, у неё в подъезде мы опять с ней целовались. Потом я взял её телефон и с обещаниями звонить всенепрерывно, ушёл.

Позвонил я ей через день. Чем-то она меня всё-таки тронула, если решил звонить ей, если видеть хотел. Она точно у телефона сидела – так быстро на звонок мой ответила. Узнала – обрадовалась, заволновалась, голосок задрожал.

В ту нашу встречу она мне гораздо более понравилась, чем в первый-то раз. Я отмечал в ней качества, которым симпатизировал. Она оказалась весёлой, смешливой и совсем не глупой. Я тогда узнал, что живёт она с родителями, и что те в строгости её держат. Так что даже домой ей к назначенному сроку возвращаться нужно. Это мне понравилось, что из порядочной семьи. Ещё я узнал, что она моложе меня на два года и тоже студентка, но двумя курсами старше. И всё-таки говорили мы мало – больше целовались. И всё первое время мы только и делали, что целовались. Как ни странно, но это сближало нас быстрее, чем любые слова. Всюду, где бы мы ни находились: в кафе, на улице, в метро, в подъезде, в магазине

даже – всюду целовались. Начинал всегда я. А она, удобно ли это было или совсем нет, ни разу меня не оттолкнула, но как будто с радостью подчинялась. Очень мне нравилась эта её покорность. Ей же, нисколько не сомневаюсь, мало приятно, но и лестно было со мной на публике милиться. Женщины вообще все без исключения тщеславны. Насчёт того, чтобы своей же сестре пыль в глаза пустить – тут уж ни одна из них случая не упустит. Так что для иных с красавцем каким-нибудь под руку пройти, всё равно, что кофточку новую надеть. Мне же, помимо всех удовольствий, ещё и удобство: не нужно голову ломать, о чём говорить с ней. Ведь эта целая наука – разговорами женщин занимать.

Однако целоваться мне вскоре надоело, и я решил, что пора отношения с ней на другой уровень выводить. Я тогда снимал комнату у одной старушки. И в эту-то комнату я и привёл мою подругу. Мы гуляли и вдруг, как будто случайно, оказались возле моего дома. Я и пригласил зайти. Она поняла, что не чай пить зову. Вдруг притихла, сжалась вся даже, и с испугом каким-то на меня посмотрела. Но не сказала ничего, молча за мной пошла. Тогда-то, наконец, всё и случилось. Тогда-то она и в любви мне призналась. С первого взгляда, дескать, полюбила, и таким-то именно своего любимого и воображала всегда. Я вроде бы мужским идеалом для неё выходил. Много она тогда говорила. Клялась, что служить мне хочет, желания мои исполнять. Я, впрочем, за язык её не тянул, сама вызвалась. Поначалу-то я поди-

вился такой её пылкости, а потом смекнул, что она и от меня того же ждёт, что ей романтики нужно, а иначе оскорбительно выйдет. Ведь женщины все пороки свои любовью извиняют. Никогда ни одна из них просто не скажет, что развратничает. Нет! Это она от любви большой собою и честью своей жертвует! Непременно любовью прикроется да ещё и подтверждения, признания со стороны потребует. Как в моём-то случае. Потому тот, кто ради любви собой жертвует, порицания не заслуживает. Любовь для женщин – прямой путь с собой и с окружающими примириться. В частности, правда, все они расходятся. Но в целом, на всякую подлость женщину подбить можно, если ради любви. Теперь, правда, стало модным независимостью всё извинять. Но и независимость – род любви. Самой низшей, самой подлой, но любви. К самой себе...

Пришлось и мне всякого вздора ей наговорить. Про то, как мы с ней поженимся, про детей наших будущих. Даже, помню, имена нашим детям тогда придумали: Тимур и Софья. Откуда они взялись, эти имена, и почему именно эти – теперь уже и не знаю. Она прижалась ко мне и, затаившись, слушала. И знал я, что для неё это блаженнейшая минута была. Потом она – в благодарность, что ли? – свою историю мне поведала. Что был, дескать, у неё друг, жених даже. Но как-то там он нехорошо поступил с ней, и всё у них разладилось. И вот после этого жениха, ни в какие сношения с нашим братом она не вступала. Стало быть, я у неё первый

был после жениха-то. Хе-хе! Выслушал я её благосклонно, сочувственно. А про самого себя, помню, подумал, что сердцеед.

Она стала бывать у меня. Приходила обыкновенно вечерами, приносила еды с собой. Мы ужинали, потом я увлекал её в свою комнату, после чего поил чаем и отпускал домой. Она торопилась поспеть к положенному сроку. Уходила всегда одна, я даже не провожал её. Сама же и убедила меня, что возвращаться мне поздно, и что ей спокойнее, когда я остаюсь дома.

Где-то через месяц после нашего с ней сближения, случилась со мной одна маленькая, но неприятная история. Проигрался я в казино. Вообще-то я не игрок. Но тут, как назло, случай вышел. Деньги были чужие, а по бедности моей сумма немалая. Беден я был тогда как церковная мышь. Работу по специальности найти не мог. Все доходы мои – стипендия да редкие переводы от брата. Отдал я всё, что у меня на год вперёд было отложено, да и того не хватило. Стал брату звонить, чтобы денег срочно прислал, а тот, как назло, уехал. Тут вроде бы и ничего страшного. Никто мне не угрожал, никто денег не требовал – люди свои. Да ведь и сам я человек гордый, я порядочный человек, не мог я допустить оставаться в долгу. Подруге-то своей я и говорить о том не хотел, да сама вынудила. Пришла как-то вечером и на шею ко мне прямёхонько. Ну, до того ли мне? До того ли мне, когда я ни о чём другом думать не могу, как только о том, где бы денег

достать. Отвёл я её ласки. Она с расспросами. Не знаю, что на меня нашло тогда, но разозлился я на неё. Тебе, думаю, всё-то знать хочется? Ну, так знай. И вывалил ей всё. Так она же ещё и упрекать меня взялась! Зачем же ты, говорит, денег не имеешь, а в казино играешь? Тут я из себя просто вышел. Накричал я на неё, ногой даже топнул, что не её это дело, что она не жена мне, и права такого – упрекать меня – не имеет. Обиделась. Заплакала. Взял я себя в руки и спокойно, не возвышая более голоса, но строго объявил ей, что, конечно, погорячился и за то извинить прошу, но меня и понять можно. Ведь это она у себя дома живёт. С родителями, в родном городе, о хлебе насущном не думает. А я – скиталец и изгнанник. Живу вдали от дома, на чужой стороне, без семьи, без близких людей. И она, единственный мой друг и родной человек, попрёками меня изводит. Да, я виноват, я кругом виноват, разве ж я не сознаю этого? Но зачем же она-то меня не понимает? Меня! Одинокого и всеми забытого страдальца... И вот когда я так говорил, она плакать вдруг перестала. Потом бросилась ко мне и меня же о прощении стала молить! Я собой очень довольным, помню, остался и подумал, что с женщинами прекрасно научился обращаться. И тогда же во всей фигуре её готовность №1 различил. То есть вот если бы в тот момент я жизнь у неё попросил, она отдала бы и с радостью. Да ещё меня бы за то и поблагодарила. Но жизнь её мне не нужна была, и я, не будь дураком, этой готовностью по-своему воспользовался. Потом, когда я уже

не думал ни о ней, ни о том, что произошло, а, уставившись в потолок, соображал, как же мне всё-таки денег достать, она уткнулась в плечо мне и приниженно так спросила, простил ли я её. Я ответил, что сполна. Тогда она отодвинулась от меня к стене, с тем, чтобы видеть меня всего, и, любуясь на мой профиль, – а у меня действительно очень красивый профиль, я всегда знал это, – вдруг пальцем по переносью мне провела и сказала: «Муся... Мусенька... Можно я буду тебя Мусей называть?» Мне, признаться, всё равно было. Муся, так Муся. И я сказал, что не возражаю.

А назавтра она деньги мне принесла. Как раз-таки ту сумму, которая мне требовалась. Я, помню, очень удивился, потому что не подозревал у неё денег. А, кроме того, мне подумалось, что она этими деньгами заловить меня пытается: ну, женить на себе или ещё что... Никак я себе этого поступка объяснить не мог. Но она уверяла, что это просто, что помочь мне хочет. И что если я денег от неё не приму, то очень обижу её. Но откуда эти деньги, поначалу говорить отказывалась. Пришлось мне нажать на неё. Я объявил, что не брать денег от женщин – это мой принцип. Но я согласен буду принять от неё, чтобы её не обидеть. Однако под условием, что она расскажет мне, откуда эти деньги. В противном случае денег я у неё не возьму. Говорить она не хотела, долго мялась. Но мне уж очень любопытно было, где это она такую сумму сумела набрать. И я настоял. Она призналась, что часть суммы у неё была: она на что-то там копила. Другую

часть она заняла у подружки, которая тоже копила. А чтобы недостающую часть набрать, она в ломбард свои золотые вещицы снесла. Я про ломбард как услышал – обомлел. Как это только в голову-то ей пришло! Это же просто Соня Мармеладова какая-то! Выругал я её за ломбард. Велел никогда ничего похожего без моего ведома не проворачивать. А за деньги поблагодарил. Обещал, как только получу от брата, тотчас вещи её выкуплю. Но в целом же эта её выходка меня поразила необычайно. Я никак такого благородства души не ожидал и после долго ещё подвоха опасался. Но подвоха не последовало. И я тогда только понял, что она взаправду меня любит. А, поняв, умилился даже душой и рассудил, что уж больше никого искать мне не нужно. Чёрт с ней, с блондинкой, сойдёт и такая! Будет ли меня ещё кто любить до такого самопожертвования! И я решил ей всё объявить, то есть предложить ко мне переехать. По этому случаю я купил одну розу, и когда подруга моя пришла ко мне, эту розу ей преподнёс. Я всё очень торжественно обставил: приготовил ужин, свечи зажёл. И после ужина любил её при свечах и под музыку. Помню, пахло в комнате свечами и моим парфюмом, музыка тоненькой струйкой лилась, и бельё, – а я новое бельё специально постелил тогда, – бельё тихонько похрустывало. Новое бельё всегда приятно так похрустывает. Огоньки свечей преломлялись в стекле бутылки, в которую мы поставили розу, и бутылка светилась завораживающим, фантастическим светом, то словно сжимаясь, то вытя-

гиваясь. Глаза подружки моей блестели и, казалось мне, чуть влажными были – чувствительнейшая особа, что тут поделаешь? Этакие дешёвые эффекты способны душу перевернуть. Это не только её одной, это женщин вообще касается. Они существа до смешного просто, примитивно даже, устроенные. И над самой умной из них последнему глупцу верх взять – ничего не стоит. Даже и фантазии никакой не нужно, всё известно давно. Оттого это, я думаю, что они подчиняться мужчине наклонны, и даже какое-то особенное удовольствие в этом находят. И пусть он плюгавый и слова доброго не стоит, но чтоб мужик, чтоб самец или что там ещё. А прибавьте к этому благородства, великодушия, доброты, романтики... Да она за вами на край света устремится, всякую подлость и низость простит да ещё и сама прощения попросит. Я всецело эту женскую суть постиг, и управляться с ними прекрасно научился. Главное, что все они, как одна, предсказуемы. До скуки даже, до зевоты предсказуемы. Ведь вот берётся рассуждать о равноправии, а посмотришь на неё каким-нибудь этаким взглядом, два слова, ничего не стоящих, шепнёшь в ухо, и уж она твоя, делай с ней, что заблагорассудится. Так ведь ещё и вообразит себе невесть что. Обыденнейший разврат за любовь примет, и любовью же оправдается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.